
ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

Круглый стол, посвященный выходу книги Е.Ф. Сабурова «Школа и свобода»

(апрель 2006 г., Москва)

Прошло почти пять лет с момента выхода этой небольшой, всего несколько листов, книги Евгения Сабурова — «Школа и свобода» (М.: Либеральная миссия, 2005). В ней — сгусток сабуровских идей об образовании, об устройстве, а главное — переустройстве школы как исходной точки всей последующей жизни каждого человека. Как всегда у Сабурова, это — очень личная, захватывающая тема, как всегда, в круг обсуждения втягивались прогнозируемые и вполне неожиданные люди, как всегда, написанное Евгением Федоровичем становилось поводом для очередного «мозгового штурма», интересного не только и не столько результатом, сколько самим процессом. Мы публикуем фрагменты круглого стола, посвященного выходу книги. Участники разговора обсуждали образовательные технологии, способность предметов гуманитарного цикла общеобразовательной школы содействовать формированию либерального мировоззрения.

Участники круглого стола:

Абанкина Ирина Всеволодовна — заместитель директора Института развития образования ГУ–ВШЭ;

Альбац Евгения Марковна — журналист, профессор факультета политологии ГУ–ВШЭ;

Афанасьев Юрий Николаевич — президент РГГУ;

Каспэ Святослав Игоревич — заместитель главного редактора журнала «Полития»;

Клячко Татьяна Львовна — директор Центра экономики непрерывного образования Академии народного хозяйства при Правительстве РФ, доцент кафедры государственного управления и экономики общественного сектора ГУ–ВШЭ;

Левинсон Алексей Георгиевич — заведующий лабораторией социокультурных исследований Левада-Центра;

Лейбович Александр Наумович — первый заместитель директора Института развития профессионального образования;

Надеждин Борис Борисович — секретарь федерального политсовета Союза правых сил;

Пенская Елена Наумовна — главный редактор «Русского журнала»;

Преображенский Владимир Владимирович — главный финансовый директор ОАО «Вимм-Билль-Данн. Продукты питания»;

Рывкин Александр Аронович — заслуженный учитель России, директор центра образования № 1811 «Измайлово»;

Сабуров Евгений Федорович — директор Института проблем инвестирования;

Шведов Григорий Сергеевич — главный редактор интернет-сайта «Кавказский узел», член правления общества «Мемориал»;

Яковенко Игорь Григорьевич — культуролог, профессор кафедры теории и истории культуры РГГУ;

Ясин Евгений Григорьевич — президент фонда «Либеральная миссия».

Евгений Григорьевич Ясин «Ничего более важного и долгосрочного, чем сегодняшние дети, нет»

Лично мне проблемы школьного образования и воспитания знакомы только по собственному опыту, который уже основательно подзабыт, а также по довольно свежему опыту моей внучки. При этом я очень обеспокоен тем, каким человеческим капиталом будет располагать наша страна. И возможно ли будет с тем человеческим материалом, которым мы располагаем сегодня, справиться с вызовами XXI в., которые стоят перед нами? Я вспоминаю как в 1986-м или в 1987 г. в Центральном экономико-математическом институте был клуб «Перестройка». Его возглавлял Олег Румянцев. Как-то мы пригласили в клуб Анатолия Стрельникова, известного журналиста-аграрника из Украины. И он рассказывал о состоянии дел среди сельского населения: «Сельские жители старше пяти лет уже ни на что не годятся. Меньше пяти лет еще, может быть, на что-то годятся, но старше пяти лет уже столько всего видели, что рассчитывать не на что». Это было так страшно, что я предпочел пропустить его слова мимо ушей, но сколько уже лет прошло, а я все еще их помню.

Поэтому я думаю, что если мы хотим получить какой-то другой человеческий материал, то должны очень серьезно отнестись к проблемам школы. Возможно, это — одна из самых важных проблем, с которыми сталкивается наша страна. Поэтому мы в «Либеральной миссии» предложили Е.Ф. Сабурову проект, посвященный школе. Вышла книга. Она предназначена для специалистов, но очень интересна. Обозначив проблемное поле нашего разговора, я попрошу выступить с докладом Евгения Федоровича Сабурова.

Евгений Федорович Сабуров «Современная школа — тюрьма или клуб?»

Проект «Либеральной миссии» родился потому, что препятствия, которые встречает модернизация нашей страны, заставили экономистов начать говорить о ментальности. И поскольку человек рождается с этой самой ментальностью, мы обратили внимание на то, что делает образование, какова роль школы в развитии свободы. Сейчас роль школы очень сильно упала по сравнению с прошлыми временами. Образование можно получить не только в школе, родители могут сами учить своих детей. Уровень школьного образования падает с каждым днем. Еще пять лет назад мы слышали о том, что 30% в области образования занимает школьное обучение, сейчас это 20%. Растет влияние СМИ, в том числе электронных, растет роль семьи. Если учителя постоянно говорят, что родители должны подавать детям пример, а не учить их, и борются с родителями, обучающими своих детей, то это говорит о неконкурентоспособности учителей по отношению к семье. Но, тем не менее, школа продолжает оставаться неким камертоном образования.

Были проведены два ситуационных анализа. На первый пригласили людей, интересующихся образованием, профессоров вузов, литераторов, социологов, т.е. действующих гуманитариев. При этом профессора не считали основной педагогическую деятельность, отдавая предпочтение своей исследовательской практике. Они, с одной стороны, непосредственные потребители школьного продукта, потому что в вузы студенты приходят из школы. А с другой стороны, они находятся в обществе и чувствуют, что востребовано, что не востребовано из того гуманитарного багажа, который у них был, и достаточно серьезно относятся к школе, работают с молодежью. На второй ситуационный анализ пригласили педагогов гуманитарных предметов. Кроме того, на протяжении этого проекта мы проводили много встреч, разговоров и интервью с практиками-педагогами, в частности с директорами московских школ, и с общественными организациями, имеющими тот или иной проект работы с молодежью, в частности с «Мемориалом».

Что касается двух ситуационных анализов, то непонимание и разрыв между участниками первого и второго были чрезвычайно сильны. Действующие гуманитарии прежде всего подвергли сомнению школу как образовательную технологию вообще. У Алексея Левинсона, который здесь присутствует, было крайне интересное выступление о роли школы и о том, что же она делает. К сожалению, здесь не присутствует Эдуард Лимонов, который очень интересно высказался о том, что такое школа, и сказал, что пора прекратить писать учителя через запятую с врачом, пора писать через запятую с надзирателем в тюрьме. Потому что школа — это государственная повинность, детей заключают в нее на 11 лет, ограничивая их свободу. То есть это учреждение такого же рода, как и тюрьма. Место заключения, выброшенные годы — это повторялось очень многими. Сомнения вызывает и функция школы,

в частности у социологов. Звучала мысль о том, что происходящее в школе — благо, ибо все это настолько отвратительно, что ученик начинает ощущать себя, становится настоящим человеком в борьбе со школой. Надо сказать, что этот взгляд поддерживают очень многие. Я приведу один эпизод. Когда обсуждался стандарт по литературе, я в компании поэтов рассказал о чудовищном наборе произведений XX в., которые рекомендуются в школе. Тимур Кибиров ответил мне: «Зачем ты протестуешь против "Разгрома"? Это же гарантия, что его никто не прочтет». Задумавшись, я понял, что он прав. Но если говорить о педагогах, которые были на втором ситуационном анализе, то у них было совершенно другое видение. Говорилось о том, какие педагоги замечательные люди, как они все абсолютно правильно делают и как над ними издевается министерство. И что если убрать чиновников, то все будет просто замечательно. При этом когда кто-то сказал, что педагоги бывают разные, то был дан очень интересный ответ, что с педагогом все равно ничего сделать невозможно, поэтому надо убрать чиновников. Но образовательная технология, схема «учитель вещает, ученик внимает, а потом проверяется» не вызвала никаких сомнений. На мой взгляд, вопрос здесь еще глубже, еще тяжелее. Вот слова одного несомненно выдающегося педагога: «Текст — это высказывание. И задача наша — понять человека, который за этим текстом стоит». Я думаю, что литературоведы, занимающиеся XX в., наверное, с удивлением воспримут такой взгляд, который можно отнести лишь к некоторым произведениям века девятнадцатого. Но я хочу обратить ваше внимание на другое. Если учителя трактуют литературу именно так, то воспитанный подобным образом человек, изучая некий закон, принятый в нашей стране, или еще какой-нибудь документ, будет думать не о его смысле, а о субъекте, которому было выгодно принять этот закон. То есть воспитывают теорию заговора, конспирологию и все прочие прелести, которые можно придумать. И этот подход идет, по всей видимости, от романтической литературы — единственной, которая изучается в школе.

Знаменитая фраза Г. Шпета о романе как современной форме моральной пропаганды на самом деле является в настоящее время основой школьного преподавания литературы. В этом плане я прошу собравшихся здесь либералов обратить внимание на то, что они ведут себя не лучше. Спор по поводу того, что включать в стандарт по литературе XX в., на самом деле был спором людей, глубоко уверенных в том, что роман — форма моральной пропаганды, речь шла лишь о предмете пропаганды: «Тихом Доне» или «Докторе Живаго». Компромисс известен: включили и то, и другое, наплевав на школьников и заранее согласившись с тем, что у них не хватит времени на оба произведения. Но дело даже не в списке литературы. Речь идет о подходе, о вещании, разоблачении, обнажении морали, которая за этим стоит. Я уже перешел к некоторым предметам. Так вот, литература — это иллюстрации истории и воспи-

тание моральных качеств. То есть литература как таковая не изучается. На совещании по поводу изучения литературы мне было сказано следующее: «Вы нас в филологический гроб не загоните». Я парировал: «А что есть изучение литературы, если не филология?» На что получил ответ: «Духовное и нравственное возрастание человека с помощью литературы». При этом ответственная дама добавила: «И патриотизм». Она была женой человека, написавшего учебник по литературе, от которого даже самым страшным антисемитам стало дурно. Это чрезвычайно серьезная вещь, которая приводит к тому, что наши школьники по международным тестам по чтению заняли 32-е место. Тесты были, на мой взгляд, простейшие. Но неумение понять что написано, неумение услышать чужие слова и ориентация на вещающего учителя приводят к тому, что выдающимися учителями считаются у нас те люди, которые умеют заражать школьников своим интересом. Дистанция между учителем и школьником в таких случаях сокращается, и на выходе из школы получается абсолютно несамостоятельный человек.

Что касается преподавания истории, то там никакой истории нет, а есть одна идеология. На наших глазах произошли перемены, о которых можно говорить. Как только было сказано, что история России должна быть цепочкой триумфов, руководители соответствующих исторических научно-исследовательских учреждений очень обрадовались и сразу построили схему, по которой это можно сделать. При этом более честные ученые-историки говорили, что надо все-таки работать над учебником, использовать красивые картинки, работать с оформлением, потому что больше сделать ничего нельзя. Это действительно драматическая история, имеющая мало общего с фактами, разоблачающая неких врагов и говорящая о триумфе доброго начала, выражающегося в нашем народе. Я хочу просто напомнить, что первоначально, когда история все-таки вводилась в школу, это были даты, и целью была тренировка памяти ребенка. Следующим этапом стало рассказывание исторических анекдотов, которые преследовали цель облегчения запоминания дат и создания предпосылки для разговора. Сейчас история является политическим инструментом. Так, у живущих рядом друг с другом народов Кавказа разные истории. И исторические примеры являются убийственными аргументами в их борьбе между собой, в их противостоянии, что вызывает крайне неприятные предчувствия, которые, к сожалению, оправдываются. Особенно это касается Северной Осетии и Ингушетии. Это совершенно разные учебники, абсолютно разная история Кавказа.

Если изучение литературы, изучение истории подчиняется стереотипам XIX в., т.е. мы ищем за высказыванием заговоры, то сравнительно новым предметом, не имеющим традиции, является обществознание, обществоведение, граждановедение. Все это — один достаточно странный корпус. Поскольку в литературе и в истории есть традиция и учителя опираются на традицию, а не на учебники, то можно говорить именно об анализе традиции

и об ее особенностях. Здесь же традиции нет, и поэтому учебники играют достаточно большую роль. Хочу обратить ваше внимание, поскольку мы здесь разбираем вопрос о свободе и либерализме, что слово «свобода» есть в этих учебниках. Как только говорится слово «свобода», дальше говорится о ее границах. Свобода разбирается только с точки зрения того, почему ее не должно быть. Ни в одном учебнике не говорится о том, что дает свобода, о расширении возможностей человека, о развитии тех государств, в которые она когда-то пришла, и как увеличение свободы увеличивает возможности человека. Такого рассуждения нет нигде. Есть только рассуждения о том, почему ее надо ограничивать, как ее надо ограничивать и почему это и является общественной жизнью. Общественной жизнью является ограничение свободы — вот основная мысль, которая проводится во всех этих учебниках.

Надо сказать, что, конечно же, дети — довольно здоровые существа, им это безразлично. И граждановедение не оказывает на них никакого влияния. И здесь мы можем говорить только о часах заключения, часах, когда человек выбрасывается из нормальной жизни. Образовательная технология школы чрезвычайно тяжела для любого нормального человека. Человека, который в возрасте, когда ему хочется бегать и общаться, вынужден сидеть, желательно не шевелясь, в течение 45 минут, выброшенный из своей нормальной жизни, и слушать некоторые умозаключения учителя, в сущности очень далекие от современной жизни, от насущных задач, которые стоят перед человеком. Естественно, это достаточно серьезное наказание, которому мы подвергаем своих детей.

Если говорить о начальной школе, то мотивация достаточно серьезная: человек хочет повзрослеть, научиться читать и писать. Достаточно серьезна мотивация и в старшей школе, поскольку дальше продвинуться будет невозможно, если не получить высшее образование. Никакой мотивации на обучение в основной школе нет. То есть с 5-го по 9-й класс мы имеем просто систему наказаний.

Как-то сглаживает ситуацию так называемая школьная жизнь — там, где она есть. И насколько мне известно, нормальные, продвинутые директора именно обращают больше внимания на организацию жизни в школе в этом плане, делая школу клубом, куда дети приходят общаться между собой, а не учебным заведением. При этом должен еще раз повторить, что наиболее выдающиеся учителя наиболее выдающихся школ ничего этого не замечают и считают, что на самом деле речь должна идти только о свободе действий для них самих, не ограниченной методистом.

Положение учителя и положение любого из нас кардинально отличается. Чем? Девочка в 22–23 года заходит в школу — она учитель, старушку уже выносят оттуда вперед ногами — она учитель. С ней ничего не произошло. Она там остается. Все ученики пройдут и уйдут, они будут делать карьеру, они будут расти, с ними что-то будет происходить, она делает одно и то же в течение 40 лет. Это

тяжелейшая нагрузка на психику. И так плохо выражаясь об учителях, мы должны понимать, что это — особая профессия с очень тяжелой психической нагрузкой не в плане общения с детьми, а в плане полного прерывания роста. Если физик начнет заниматься физикой, то он должен уйти из школы, потому что в школе физическими исследованиями не занимаются, там занимаются другими вещами. И вот это положение приводит к тому, что в школах чуть ли не дедовщина по отношению к молодым учителям. Это образ жизни, это способ жизни, это не работа, а дом, что очень затрудняет любые реформы. Спасибо.

Елена Наумовна Пенская «Проблема действительно существует»

У меня несколько коротких реплик. Евгений Федорович сразу предложил нам пучок проблем для обсуждения. Это и гуманитарное образование в школе в целом, и предметные области, и ребенок в школе, и феномен учителя, феномен преподавательской профессии. Мне кажется, проблема действительно существует и, прежде чем все мы начнем ее обсуждать, важно все это разделить по порядку и наметить ряд конструктивных подходов.

Одним из стержневых, важных для понимания моментов является то, что гуманитария опирается на определенный канон. И существование такого стержневого канона, конечно же, особенно важно для работы с литературой и ее преподавания.

Сейчас мы наблюдаем то, что можно назвать «войной канонов», «войной списков». На протяжении ряда лет люди не могут договориться о главном — что должно стать предметом, основой изучения. Предложения сократить-расширить списки на самом деле ничего не решают, потому что нет ответа на фундаментальные вопросы: кто учит? как учит? чему учит?

Хотелось бы и мне вспомнить недавний случай, довольно показательный.

В мае 2006 г. выступал с публичной лекцией в ГУ–ВШЭ Иммануил Валерстайн. После его выступления мы разговорились в коридоре, и я спросила, как он видит проблемы и перспективы среднего и высшего гуманитарного образования. Мне его точка зрения показалась очень интересной. Он считает, что все каноны, на которых строится так или иначе гуманитарное образование, изучение литературы в частности, будут пересматриваться. И в дальнейшем в мире, где важны либеральные ценности, должно произойти сближение и пересмотр канонов. И перегородки между разными гуманитарными областями — социологией, философией, историей, литературой — не будут так окончательны и безусловны. Не знаю, утопия ли это, но если мы действительно столкнемся с такой новой реальностью, то все наши приемы, методики и технологии, апробированные в другую эпоху, точно полетят в тартарары.

Игорь Григорьевич Яковенко «Должен возникнуть запрос на другую школу»

Мы с вами сейчас живем в антилиберальной волне. Она идет по всему обществу и подхватывается прежде всего учителями. По тому, как задают тебе вопросы, как с тобой полемизируют учителя, это видно отчетливо. И когда мы говорим о школе, мы должны отдавать себе отчет в том, что если в целом проводится политика десубъективации человека, то школа как институт не может работать в другом векторе. Она, естественно, будет реализовывать ту же самую стратегию. Кроме того, российское общество фундаментально расколото в том смысле, что нет консенсуса по поводу представления о завтрашнем дне и о текущей реальности. Скажу больше, подавляющее большинство общества вообще не понимает той реальности, в которой живет. С этим связан и постоянный поиск врагов. Непонимание происходящего учителями, учитывая их возраст, социальное положение, гендерный состав, выражено наиболее сильно. Поэтому те тенденции, которые обсуждаются сегодня, наиболее сильно проявляются в этом профессиональном и человеческом материале.

Есть ли вообще в обществе запрос на свободного человека? Я даже не про власть, потому что власть — это особый случай. Власть задается проблемой школы в тот момент, когда в принципе мыслит стратегически. Школа — институт стратегический. Российская власть мыслит либо на четыре года, либо на восемь лет. Других способов мышления в рамках политической элиты не просматривается. Работа в школе, если это работа стратегемная, предполагает мышление на многие годы вперед. И давайте различать две простые по своему разведению вещи: объективные интересы общества с точки зрения нашего понимания и субъективные интересы политической элиты, которая решает свои проблемы, находясь у власти. Эти вещи только в идеале должны совпадать, между ними всегда есть некоторый зазор. А в ситуациях исторического кризиса такой зазор может быть разительным. Мне так кажется, что можно ждать каких-то серьезных изменений, когда в самом обществе, у родителей возникнет запрос на другую школу, а здесь мы говорим о процессе инерционном.

Евгения Марковна Альбац «Они не читали Солженицына»

По одной из моих профессий я — журналист, по другой — профессор Высшей школы экономики, именно потому буду говорить о своем опыте. Второй год я преподаю в России два курса: «Государство и бюрократия» и «Политический режим и бюрократия». У меня PhD Гарвардского университета. Должна вам сказать, что упоминаю Гарвард потому, что для меня было совершенное потрясение, когда я пришла в ВШЭ и впервые начала читать курс «Государство и бюрократия». Первое, что мне сразу бросилось в глаза — это то, что студенты третьего курса факультета политологии вообще не знают политической философии.

В лучшем случае им читается обзорная лекция. Мы с вами хорошо понимаем, что без Аристотеля, без Гоббса и Локка в политологии делать нечего. При этом, когда я стала проводить чтения важных трактатов на своих семинарах, то столкнулась с тем, что мне не хватает отведенных шести часов. Я уперлась в то, с чем не сталкивалась в университетах, в которых мне приходилось преподавать на Западе, — в отсутствие базы для восприятия текстов политической философии. Когда мы стали обсуждать концепцию Локка, восходящую к идее свободы, данной человеку Богом и поэтому не принадлежащей ему, а принадлежащей Создателю, откуда вытекает мысль о невозможности отнятия свободы у человека, один из студентов сказал: «Это не наша Библия». Я принесла канонический текст христианской Библии, чтобы показать, что Пятикнижие — это часть христианской Библии. Но я поняла, что Библию не знают и не читают. В Гарвардском университете есть два самых популярных курса. Один курс — это «История Библии», второй курс — «История музыки». И конечно, они очень интересно читаются, неважно, для экономистов или для физиков. Как мы с вами хорошо знаем, политическая философия все время апеллирует к Библии. И Библия есть первая книга политической философии. Ни одна другая книга так поразительно не показывает человека в природном, доцивилизованном состоянии, тяжело воспринимающего закон, и человека, переходящего в цивилизованное состояние. На Западе Библию читают в домах, в субботних или воскресных школах, в частных общеобразовательных школах, и тем не менее, есть курс «История Библии». «Политическая философия» — это обязательный курс в университетах, в которых мне приходилось бывать. Потому что это — базис. Я слышала от своих студентов некие представления о принципах, изложенных Макиавелли в «Государе». Как мы знаем, это — работа, широко используемая во всяких прикладных специальностях. «Дискурс» Макиавелли, «Социальный контракт» Руссо, «Историю философии» Гегеля не знают вообще. Зачем при этом им читают безумно сложные лекции, связанные с агностическими идеями Гегеля, я не понимаю — если они не читают базовых книг. Есть очень короткие работы Канта, связанные с легалистской моделью, которую он отстаивает, и с тем, почему республика может состоять из дьяволов, если есть закон. Это малюсенькие работы на 40 страниц. Я составляла специально список таких небольших работ, которые абсолютно необходимы с учетом того, что студенты ничего не читают. Почему я так на этом настаиваю? Потому что это — базисное знание, на котором должны закладываться остальные курсы, связанные с социологией, экономикой, политикой и т.д. Их нельзя прочитать по учебникам. Это то, что необходимо обсуждать. У нас атеистическая страна. Сама идея, что свобода человека принадлежит Создателю и поэтому никакой земной человек не может у другого человека ее отобрать, — это идея, нам совершенно чуждая.

Во-вторых, оказалось, что наши дети приходят из средней школы с очень странным знанием о советском периоде. Я убедилась в том, что мои студенты прошлого года не знали, что такое XVII съезд партии. Ладно, они могут не знать XIII партийную конференцию, хотя понятно, что это — конец нэпа, но XVII съезд партии был коренным в переходе к жесткой тоталитарной модели государства. Видимо, высшая школа сталкивается с необходимостью вводить исторический дискурс в гуманитарные предметы.

Третья проблема заключается в том, что люди моего поколения и старше меня, а мне 47 лет, выросли в чтении самиздата. Это книги, которые были запрещены, и к ним поэтому тянулись. И что мы читали? Мы читали Оруэлла, Солженицына, «Доктора Живаго», запрещенного неизданного Бабея, неизданного Мандельштама. Мы читали знаменитые книги о голоде в Ленинграде, книги Зиновьева и Геллера. То есть мы читали ту литературу, которая давала трактовку концепции советской жизни и советской истории, оппозиционную по отношению к тому, что преподавалось нам в школах, что было принято. Сейчас наши дети, хотя это все есть в магазинах, лишены того знания, которое мы приобретали, потому что это было запрещено. Для меня было откровением, когда я поняла, что они не читали «1984».

Я — категорический противник учебников, причем учебников, написанных здесь. Потому что учебники пишут люди с определенным жизненным и профессиональным опытом. Мне кажется, нам в нашей стране рано писать учебники. Потому что очень много консерватизма, особенно когда это касается политических наук. Люди более старшего возраста пришли из преподавания научного коммунизма и пишут учебники в этом духе. Что-то надо менять. Я убеждена в том, что надо вводить на первом или втором курсе в качестве обязательного предмета чтение курсов по политической философии, изучение текстов, их разбор. Чтобы они осознали, почему понимание демократии у Аристотеля отличается от концепции демократии Джозефа Шумпетера и вообще того, что было создано XX в. Об этом надо дискутировать, об этом надо говорить.

Евгений Григорьевич Ясин

То, что говорила Евгения Марковна, на самом деле в значительной степени то, что я хотел бы услышать. Признаюсь честно, в школе я ничего из названного Евгенией Марковной не читал. Мы только изучали историю философии, и то мимоходом. Надо было иметь очень сильное природное стремление для того, чтобы в это погрузиться. Но у меня создается впечатление, что то, о чем она говорила, должно преподаваться в школе: идеи, связанные со свободой, демократией, нормами общежития. Я же этого не знал ничего. Мне повезло, у меня были очень хорошие преподаватели в одесской школе. Я думаю, что я — один из тех редких людей, у которых фотография учительницы литературы стоит рядом с фотографией матери. На мой взгляд, сегодня наши школьники не получа-

ют гражданского заряда, представления о том, что такое хорошо, а что такое плохо. С самого начала они готовы кому-то подчиняться, поддерживать дисциплину. Я хотел бы, чтобы это прозвучало в дальнейшей дискуссии.

Святослав Игоревич Каспэ «Кто из либералов написал тест для ЕГЭ?»

Дело в том, что двенадцать лет, с 1990 по 2002 г., я преподавал историю в 57-й школе, не порвал связи с этим достойным учебным заведением до сих пор и могу говорить от имени практических работников. С другой стороны, меня все это время занимала тема системы образования как политического института. В свое время я был потрясен фразой французского философа Жюэля Романа, который сказал: «Школа — это непрерывно реализующаяся утопия». Страна, в которой существует система общеобязательного государственного образования, завтра будет такой, какова сегодня ее школа. Это я объясняю своим студентам, потом прошу, чтобы они закрыли глаза и вспомнили свою школу. И тот стон ужаса, который прокатывается по аудитории, до сих пор звучит в моих ушах.

Мне кажется, что прежде всего нужно признать, что в стране существуют минимум два гуманитарных образования: маленькое и большое. Чтобы сразу разделаться с маленьким, скажу, что это — образование, производящее людей, собирающихся профессионально заниматься гуманитарной деятельностью, ощутивших это призвание уже в школьном возрасте. Самое полезное, что можно сделать с этим сектором, — это оставить его в покое. В значительной степени мы имеем здесь дело с самовоспроизводящейся средой. Если уж она сумела пережить последние 20 лет, то ее способность к выживанию и к работе на благо всех доказана.

Что касается массового гуманитарного образования, его функция, как я понимаю, заключается в воспитании приличных людей, в совокупности образующих приличную страну. За дефицитом времени я не могу расшифровывать это подробно. Здесь главная проблема — это отсутствие сколько-нибудь внятного представления о том, какие гуманитарные смыслы, интеллектуальные и моральные позиции и на каких текстах должны транслироваться через систему образования.

Огромная масса школьных работников, функция которых — это работа по определенному стандарту, предоставлена сама себе и творит что хочет.

Юрий Николаевич Афанасьев «Надо задуматься о глубине той пропасти, в которой оказалось наше образование»

Наконец-то Евгений Григорьевич сказал ровно то, что нам надо. А именно: господство профессионалов, специалистов с узко заточенным профессиональным и специальным видением того, что происходит, и с неумением заглянуть за рамки своей профессии, своей специальности.

Беда в том, что все наше образование — это трансляция готового мертвого знания. Что касается проклятого Запада и его передовых стран, то там довольно широко, на уровне практики, осваивается теория философии так называемого конструктивистского образования. И вот ведь опять парадокс: разрабатывалась эта философия у нас — Выготский, Давыдов. Но на Западе это не просто лежащая в библиотеке теория, там это вошло в практику. А как раз весь пафос этой философии в том, что нельзя транслировать готовые, мертвые знания, надо непременно формировать личность, человека. То есть конструировать эту личность свободной, либеральной, независимо мыслящей. И уже есть технологии такого образования. Правда, они изобретены не у нас. Это изобретение было сделано довольно давно, где-то в 1940-х годах, в Соединенных Штатах. И это изобретение лежало почти до 1990-х годов, когда информационная техника и современная технология позволили соединить это открытие с теорией философии конструктивистского образования. А мы так и будем находиться в той пропасти, в которую мы попали и в смысле знаний, и в смысле представления людей о свободе и демократии, пока мы не сделаем этот, казалось бы, простенький вывод, что школа и образование развиваются, а мы как застряли на припеве «Советская школа — самая передовая школа в мире», так и торчим там до сих пор.

Александр Аронович Рывкин «Еще есть надежда...»

Я — директор школы. Чувствую себя не очень ловко в этой аудитории. Не потому, что вижу людей, которым небезразлична либеральная идея, а из-за той тематики, о которой мы здесь говорим. Здесь был поставлен очень хороший вопрос: способствует ли содержание предметов гуманитарного цикла общеобразовательной школы формированию современного либерального мировоззрения? Я не буду давать на него ответ, но хочу сказать, что тексты крайне важны. Надо просто, чтобы это были тексты Платона, Аристотеля, Библии, лучших образцов русской литературы XX в. Если носители, организаторы идеи формирования знаний, я имею в виду учителей, не изменятся, все будет тем же самым. Учитель в школе остается придатком машины Яна Амоса Коменского. Безусловно, он занимается только ретрансляцией. В данном случае знания не порождаются, а запоминаются и воспроизводятся, когда этого требует господин учитель или преподаватель вуза. Исходя из этого я 15–16 лет искал и ищу педагогические подходы, собираю команду. И у наших философов, например у Щедровицкого. Мы попытались построить некую технологическую машину понимания текста, работы с ним и порождения знания ребенком вместе со взрослым. И такая технология построена. Это образовательная сессия, длящаяся два года, а не классно-урочная работа, располагающаяся между географией и историей, между разнообразными предметами. Когда Евгений Федорович попросил дать видеозапись нашей образовательной сессии и показал ее либеральному

сообществу, в том числе и христианскому, оно пришло в неопи- сываемый восторг по поводу того, как дети могут доставать, порождать и проживать знания. Еще есть надежда на то, что либеральное общество в состоянии поддержать такие инициативы.

Александр Наумович Лейбович «Система ориентирована на процесс, а не на результат»

Мне кажется, что за все последнее время ни одного системно- го решения в области образования принято не было. А между тем все, что мы видим в образовании, очень сильно отличается от того, что было 15–20 лет назад. Я сомневаюсь в том, что мы все чего-то хотим от школы. Ведь если мы посмотрим на окружающую действительность, то увидим, что дети разделились на два лагеря. Первые не хотят ходить в школу, потому что не хотят учиться, а вторые не хотят ходить в школу, потому что учиться хотят. И по большому счету, это означает, что школа не очень-то сейчас востребована. Возникает естественный вопрос: надо ли усиливать этот инструмент для того, чтобы получить какие-то результаты, к которым люди не стремятся на самом деле? И независимо от того, какие тексты учебников мы сделаем в итоге, изучать эти тексты, проходить эти тексты будут одним и тем же способом. Если мы будем стремиться к тому, чтобы гуманитарное образование развивалось своим путем, мы должны изменить условия его существования.

У нас система ориентирована на процесс, а не на результат. Это касается и образовательных стандартов, и системы в целом, и во многом связано именно с ресурсным обеспечением. Сама модель ресурсного обеспечения в школах должна меняться коренным образом.

Григорий Сергеевич Шведов «Сегодня социальной карьеры нет»

Мы сегодня видим, что молодежь негативно относится к тем ценностям, которые нам кажутся первоочередными. И ответ на этот вопрос лежит не в плоскости низкой грамотности и необразованности, он лежит в плоскости конъюнктуры, в плоскости рынка, в той плоскости, в которую выходят школьники после 11-го класса, куда попадают студенты, оканчивая такие замечательные вузы, как РГГУ. А выходят они в нашу реальность, где, имея образование и имея навыки, ты должен отказаться от своей системы ценностей, если она у тебя есть и если она либеральна, потому что ты идешь работать на власть или в бизнес, который пытается выглядеть социально ответственным, но от этого более социально ответственным не стал. Мы вспоминаем, как ЮКОС еще недавно устраивал гонения на экологов на Байкале, а когда на ЮКОС началось давление, он повернулся в сторону работы с правозащитными организациями. Но не стоит идеализировать нашу среду. Наша среда сегодня минимально поддерживает либеральные ценности. И это связано в большей мере не с неграмотностью молодых лю-

дей, а с тем, где молодые люди с либеральным мировоззрением, с самым наилучшим и наивысшим уровнем образованности могут адаптироваться. Что может сделать либеральная общественность для изменения ситуации к лучшему? Она могла бы сосредоточить свое внимание на работе с конкретными школами.

Владимир Владимирович Преображенский «Добавить спонтанной социализации»

Если попытаться поразмышлять, чего не было в модерне и что должно быть в постмодерне, то обнаружатся три темы. Первая — способность противостоять напору брендов и этому препарированному миру, который глядит на тебя с экранов. Способность этому противостоять ментально заключается в наличии вкуса, т.е. умения отличить вкусное от безвкусного и сказать: «Это — чепуха, на которую я не буду смотреть, на это не стоит тратить время». Вторая тема — формирование способности критического мышления, т.е. способности отделять то, что тебе навязывают, от того, что ты можешь принять, с чем ты можешь согласиться. Я думаю, что когда мы переживаем за школу, тому, наверное, есть объяснения, отчасти связанные с отсутствием критического мышления в самой школе. Школ, где директора позволяют, провоцируют и подталкивают учителей на эксперименты, совсем немного. С учетом того, что денег в системе нет, а инфраструктура совсем хлипкая, экспериментаторство развивается слабо.

Третья тема — способность к спонтанной социализации. Это та штука, без которой общество не способно освоить такую категорию, как доверие. Спонтанная социализация означает умение найти с чужим тот язык, который позволяет не обмануть друг друга, не вступить в конфликт, а сделать что-то вместе. Я думаю, что это могло бы быть добавлено в эволюционировавшую школьную модель. С этой точки зрения я очень скептически отношусь к мысли о трансляции идей через учителей.

Татьяна Львовна Клячко «С детьми, я надеюсь, все будет в порядке»

Первый вопрос состоит в том, как сменить нынешний учительский корпус.

Второй вопрос: что делать с педагогическими вузами? Исследование 2000 г., проведенное нами, показало, что 75% педагогических вузов находятся в состоянии стагнации, они не развиваются. Поэтому определять стандарты должны люди, никакого отношения к педагогической науке не имеющие.

Те национальные проекты, которые сейчас реализуются, к сожалению, закрепят неблагополучие нашей школы, потому что если дать 100 тысяч учителю, которого нужно выводить на пенсию, то он никогда из этой школы не уйдет. Молодежь в эту школу не придет просто потому, что в ту мощную массу бабушек никто уже прийти не может. Значит, сначала нужно решить вот эту проблему. А что ка-

сается детей, то я могу ответить старым анекдотом: «Японца спросили, как ему Советский Союз? Он сказал, что все, что руками сделано, отвратительно, а дети замечательные». Я не знаю, как в РГГУ, но ко мне все дети приходят с компьютерами, через одно занятие начинают работать. Да, Аристотеля не читают, но через некоторое время почему-то начинают. Это же вопрос педагогических технологий. И поэтому с детьми, я надеюсь, все будет в порядке. Слава тебе господи, что они ничего не знают про XVII съезд. Это такое счастье, что они ничего про него не знают. У нас была недавно встреча с «Деловой Россией», там выступала какая-то очень мощная тетка, все говорили, что она — прекрасный менеджер. И она сказала: «Вот я собрала молодых менеджеров и говорю им: «Владислав Юрьевич Сурков», — а они говорят: «А кто такой Сурков?» Вы можете себе представить?» Вот зал ей и ответил, что слава тебе господи, что молодые менеджеры этого не знают. Точно так же, как про XVII съезд.

Борис Борисович Надеждин «Мы должны лично идти читать лекции»

Призыв у меня один для всех либералов: мы не справимся с проблемой полутора миллионов учителей, которые нам кажутся ментально чуждыми, мы должны лично идти читать лекции. Я, например, в своей родной школе обязательно раз в год читаю лекцию на какую-то сложную тему и всех призываю так делать. Если люди такой известности, как здесь, хотя бы в родную школу или в какую-либо по соседству будут приходить раз в два-три месяца, это запомнят.

Ирина Всеволодовна Абанкина «Нам нечего пока инвестировать в мировоззрение»

Мне кажется, одной из важных проблем является наш гуманитарный империализм. Мы просто не слышим и не видим школьников. В этом смысле нам надо с собой что-то делать, а не с детьми. Я тут процитирую Александра Арбатова: «Нельзя впихнуть невпихиваемое». Как можно преподавать, не слыша, не видя и растаптывая все, что есть в детях живое и самостоятельное?

Я не верю в стандартизацию и даже в технологичность гуманитарного знания. Хотя я очень поддерживаю Александра Лейбовича, что нужны современные технологии преподавания, но пусть это, как говорил Хайдеггер, останется для промышленяющей озабоченности. И последнее. Я, в отличие от многих, все-таки поклонник Коменского. И я считаю, что закреплённость его смыслов в потусторонности дала возможность создать ему систему на 350 лет. Мне кажется, недостаточная закреплённость наших смыслов в потусторонности, слишком большой перевес в посюсторонние смыслы, мимолетные и текущие, делает именно гуманитарное знание недостаточным. Нам нечего пока инвестировать в мировоззрение.

Алексей Георгиевич Левинсон «Что можно сделать»

Я хотел бы присоединиться к высказанному здесь мнению, что мы живем в эпоху волны антилиберализма. В связи с этим я думаю, что для либеральной миссии в широком смысле этого слова стоит задача пронести и сохранить либеральные ценности для следующего поколения, используя, в том числе, институт школы. Что здесь можно сделать? Я вижу два пути. С массовой школой сделать что-либо исключительно сложно. Один путь — создание анклавных точечных школ, над которыми удастся взять шефство и помогать учительству, директорату и т.д., это так называемые хорошие школы. Второй путь — попытка воздействовать на институты повышения квалификации учителей. Это — единственный институт, где что-то можно сделать. В педагогические вузы внедряться бессмысленно.

Евгений Федорович Сабуров «Надо работать со школой»

Я считаю, что новые образовательные технологии — это никакая не выдумка, а просто насущная ситуация. Действительно, надо работать со школой, хотя я не уверен, что речь идет о лекции или выступлении. Я думаю, что самая серьезная вещь сейчас — это организационное преобразование. Когда мы говорим об успехе федерации «Интернет-образование», то почему-то обращаем внимание на те деньги, которые туда дал Ходорковский. Но это — чепуха по сравнению с тем организационным капиталом, который он дал туда в лице Монахова и в лице других людей, у которых манера работать абсолютно отличается от того, как работают люди в системе государственного образования. Я хочу закончить на такой оптимистической ноте: технология — не дело веры.